

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Слесарева А.В.
«ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В 1944 — 1991 гг.: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ,
ЮРИСДИКЦИОННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И РАСКОЛОВ»,
представленную на соискание ученой степени
доктора церковной истории**

Диссертация Александра Валерьевича Слесарева «Церковная жизнь белорусской эмиграции в 1944 — 1991 гг.: проблемы организации, юрисдикционных противоречий и расколов» посвящена весьма важной теме церковной истории новейшего периода, до сих пор не нашедшей должного отражения в историографии, как в российской и белорусской, так и зарубежной.

Актуальность заявленной соискателем темы не вызывает ни малейшего сомнения. О церковной жизни белорусской диаспоры в XX веке в целом написано крайне мало, а обобщающего исследования, которое рассматривало бы в комплексе генезис и деятельность всех эмигрантских церковных сообществ, оценивая их происхождение и взаимосвязи с исторической, канонической и даже политической точки зрения, до появления диссертации А.В. Слесарева не было предпринято вообще.

Между тем, исследования в сфере церковной жизни белорусской эмиграции сегодня более чем востребованы. Прежде всего, это связано с драматическими переменами, происходящими в настоящее время в религиозной жизни соседней с Беларусью Украины, толчком к которым послужили в 2018 – 2019 гг. официальный отказ Константинопольского Патриархата от канонических актов 1680-х гг., передававших Киевскую митрополию в юрисдикцию Московского Патриархата, и создание т.н. «Православной церкви Украины», что фактически дезорганизовало жизнь канонической Украинской Православной Церкви. После начала специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине в феврале 2022 г. значительные проблемы в деятельности Православных Церквей, находящихся в юрисдикции Московского Патриархата, возникли также в Литве, Латвии и Эстонии. В контексте происходящих событий не может не возникнуть тревога за ситуацию в Белорусской Православной Церкви, на которую сегодня могут пытаться оказать негативное влияние через белорусские религиозные сообщества, действующие в эмиграции.

С учетом данных факторов тема, избранная для своего диссертационного исследования А.В. Слесаревым, приобретает особую остроту и актуальность. Очевидно, что представленная к защите работа, помимо значительного вклада в церковно-историческую науку, также имеет и огромное практическое значение, так как «вооружает» и Белорусскую Православную Церковь, и Московский Патриархат в целом знаниями, имеющими огромное значение для правильной ориентации в нынешних крайне сложных реалиях мирового Православия.

В таких условиях обращение к опыту существования белорусских церковных и квази-церковных структур в диаспоре, и прежде всего, к вопросам их взаимоотношений с эмигрантскими политическими организациями, а также Константинопольской и другими поместными Православными Церквями, сегодня крайне важно. Это дает возможность избежать повторения многих ошибок из числа тех, с которыми Белорусское Православие уже сталкивалось в прошлом.

Очевидно, что новейшая история белорусской православной диаспоры, исследованию которой посвящена диссертация А.В. Слесарева, требует самого подробного изучения. Однако, в православной историографии этой теме уделялось и в настоящее время уделяется крайне мало внимания, что отражает обстоятельный библиографический обзор, предваряющий диссертацию А.В. Слесарева. Список использованной диссертантом литературы содержит лишь около полутора сотен наименований, что составляет разительный контраст со списком использованных источников – более двух тысяч. Тем не менее, можно утверждать, что А.В. Слесарев привлек к написанию работы практически все публикации, хоть в какой-либо степени касающиеся церковной жизни белорусской эмиграции.

Работа А.В. Слесарева характеризуется высоким источниковедческим уровнем исследования. Для решения научной задачи привлечены как обширные массивы опубликованных источников и периодики, так и архивные материалы. В общей сложности диссертант использовал документы из 13 архивов. Помимо материалов из четырех архивов Беларуси А.В. Слесарев также привлек к работе фонды девяти зарубежных архивов. Особо следует отметить важность использования диссертантом четырех архивов в США, среди которых необходимо выделить Архив Белорусской Центральной Рады (г. Саут-Ривер) и Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей (г. Нью-Йорк). Также была использована электронная база документов Архива Центрального разведывательного управления США (CIA),

хотя по понятным причинам материалов, отражающих очевидные контакты белорусской церковной диаспоры с западными спецслужбами, в открытом доступе найти практически невозможно, и соответственно эта тема в диссертации почти не отражена.

Помимо неопубликованных архивных документов, в своем диссертационном исследовании А.В. Слесарев широко использовал источники, изданные в составе различных сборников документов, а также периодику, среди которой особую ценность для исследования представляют эмигрантские издания. Исключительно важной составляющей источниковой базы диссертации также являются нарративные источники, прежде всего мемуарная литература. Особо следует отметить использование в работе неопубликованных воспоминаний митрополита Пантелеимона (Рожновского), написанных в эмиграции, которые хранятся в Архиве Германской епархии Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ). Не менее широко привлекались к исследованию и эпистолярные источники.

Значительное количество архивных материалов введено диссертантом в научный оборот впервые.

Диссертация А.В. Слесарева отличается многоаспектностью и системностью в исследовании темы, что дает возможность автору прийти к широким и в значительной степени новым обобщениям и выводам относительно основных этапов существования белорусских церковных сообществ в эмиграции, дать им всестороннюю характеристику, выявить их особенности.

Структура диссертации отличается логичностью. Работа состоит из введения (с историографическим и источниковедческим обзорами), шести глав, заключения, списка источников и литературы и 32 приложений (общий объем диссертации – 604 страницы, в том числе основной текст – 388 страниц, библиографический список — 136 страниц, приложения — 74 страницы).

В 1-й главе диссертации подробно рассматривается образование и становление Белорусской митрополии в период Второй мировой войны и немецкой оккупации Беларуси (1939 — 1944 гг.), положение Белорусской митрополии в диаспоре на завершающем этапе войны (1944 — 1945 гг.) и ее состояние в диаспоре непосредственно после окончания войны (1945 — 1946 гг.). Рассматривается процесс перехода белорусских иерархов в юрисдикцию РПЦЗ и последующее упразднение Белорусской митрополии в 1946 г., говорится о попытках восстановления Белорусской митрополии в 1946 — 1949

гг. и возобновлении деятельности автономной Белорусской митрополии в составе РПЦЗ в 1949 — 1956 гг.

2-я глава диссертации полностью посвящена деятельности неканонической «Белорусской автокефальной православной церкви» (БАПЦ) в 1949 — 1991 гг. Диссертант обстоятельно разбирает вопрос о высшем церковном управлении БАПЦ в разные периоды ее деятельности. В главе также рассматривается внутрицерковный кризис в БАПЦ, приведший к ее расколу, и состояние БАПЦ в период 1980 — 1991 гг. Отдельно рассмотрены тема межправославных контактов БАПЦ в 1949 — 1991 гг. и проблема распространения деятельности БАПЦ на территории Белорусской ССР. Обстоятельно разбирается организация епархиального управления БАПЦ, деятельность ее епархий и приходов в разных странах в различные периоды времени.

Содержание 3-й главы диссертации составляет подробнейший обзор деятельности белорусских церковных структур и приходов в диаспоре, перешедших в послевоенные годы в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Особую значимость данному разделу работы придает рассмотрение проблемы взаимных отношений Фанара, БАПЦ и белорусских эмигрантских организаций. В частности, речь идет о противодействии Рады БНР развитию белорусской церковной структуры в юрисдикции Константинопольского Патриархата и ответных мерах последней, направленных против нормализации канонического статуса БАПЦ.

Большой интерес представляют также приводимые в 3-й главе диссертации сведения о переговорах относительно возглавления белорусской церковной структуры в диаспоре в юрисдикции Константинопольского Патриархата, которые велись с архиепископами Филофеем (Нарко) и Афанасием (Мартосом). Представленные в исследовании А.В. Слесарева данные позволяют более тонко и разносторонне охарактеризовать убеждения и позицию обоих архиереев.

Также весьма важной представляется тема контактов белорусских приходов Константинопольского Патриархата с Белорусским экзархатом Русской Православной Церкви в 1989 — 1991 гг. Однако информации по данному вопросу в диссертации приведено немного, что, вероятно, следует объяснить тем, что диссертант не имел возможности работать в архиве Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

4-я глава диссертации рассказывает о недолгой деятельности еще одного неканонического церковного сообщества — «Белорусской автокефальной

православной церкви» в юрисдикции «архиепископа» Владимира (Финьковского), также ведущей свое происхождение от украинских автокефалистов. Вполне обоснованным представляется вывод диссертанта об отсутствии в религиозной жизни белорусской диаспоры объективных предпосылок к возникновению этой церковной структуры. Основные причины появления БАПЦ(В) А.В. Слесарев вполне справедливо усматривает *«в личных амбициях ее основателя, который еще в начальный период немецкой оккупации Беларуси претендовал на возглавление Белорусской Православной Церкви»*. В подтверждение такого вывода в диссертации указывается на практически полное отсутствие поддержки действий «архиепископа» Владимира (Финьковского) со стороны белорусских эмигрантов и церковных общин различных юрисдикций.

Большой интерес представляет 5-я глава диссертации, в которой рассматриваются маргинальные белорусские религиозные сообщества, существовавшие в эмиграции. Речь идет, прежде всего, о деятельности самозванных «патриархов» Петра Журавецкого и Владислава Рыжего-Рыского, предпринявших попытку объединения православных и католиков в едином белорусском церковном сообществе, претендуя при этом на объединение всей белорусской диаспоры. Рассмотрена деятельность таких экзотических религиозных сообществ, как «Белорусская христианская православно-католическая Субожня», «Православно-католический белорусский патриархат св. апостола Андрея Первозванного» в составе «Американской православной католической церкви», а также «Белорусская автокефальная православная (народная) церковь» в составе «Американского всемирного патриархата».

В последней, 6-й главе диссертации подробно рассмотрена политическая, общественная, культурная и издательская деятельность белорусских религиозных организаций различных юрисдикций, осуществлявшаяся в диаспоре в середине – конце XX столетия в диаспоре.

В заключении подведены итоги проделанной работы, сделаны выводы.

Таким образом, диссертация А.В. Слесарева представляет собой первое комплексное и масштабное исследование организации церковной жизни белорусской диаспоры в 1944 — 1991 гг., в котором самым обстоятельным образом изучена ее важнейшая проблематика, связанная с юрисдикционными противоречиями и расколами и, что особенно важно, рассмотренная в контексте деятельности белорусских эмигрантских политических структур.

Следует признать, что, на основе тщательного анализа гигантского комплекса источников, А.В. Слесарев не просто успешно осуществил работу по созданию комплексного обобщающего исследования по новейшей церковной истории белорусской эмиграции, но, по сути, создал энциклопедический по своим масштабам труд, огромная научная ценность которого не вызывает никаких сомнений.

Крупных ошибок при ознакомлении с текстом диссертации А.В. Слесарева не выявлено, серьезных претензий к ее содержанию не имеется. В адрес диссертанта можно высказать лишь несколько незначительных замечаний.

Прежде всего, представляется, что работа существенно выиграла бы, если бы помимо обширного комплекса привлеченных источников в исследовании также использовались документы из фондов Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религий при Совете министров СССР, хранящиеся в собрании Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, фонд 6991). Думается, что среди них имеются материалы, касающиеся белорусской церковной диаспоры. В частности, могу отметить, что, в ходе работы в данном архиве, мне лично приходилось сталкиваться с отчетами о зарубежных поездках по линии Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, подготовленными протопресвитером Виталием Боровым, в которых можно найти, в том числе, и информацию о представителях белорусской церковной диаспоры.

Далее хотелось бы указать на ряд неточностей, допущенных, на мой взгляд, диссертантом при формулировке положений, выносимых на защиту, которые, кстати сказать, выглядят излишне пространными – они изложены в 11 пунктах на 8 страницах и содержат избыточную фактологию, в том числе – статистические данные.

В положениях, выносимых на защиту, в частности, отмечается: *«Положение БАПЦ в системе межправославных отношений определялось отсутствием признания ее автокефального статуса со стороны Поместных Православных Церквей. Поскольку самопровозглашение полной церковной независимости является грубым каноническим нарушением, автоматически определяющим схизматический статус предпринявшей этот шаг церковной структуры, на протяжении всего рассматриваемого периода Поместные Православные Церкви воздерживались от признания БАПЦ».*

Между тем, упомянутая позиция поместных Православных Церквей определялась, как можно думать, отнюдь не только фактом

самопровозглашения автокефалии. Не меньшее значение, как представляется, имел и вопрос о законности хиротоний епископата, а в случае БАПЦ ее «иерархия» никак не могла быть признана законной в силу своего происхождения от «архиерея» неканонической «Украинской автокефальной православной церкви» (УАПЦ) Сергия (Охотенко). На стр. 99 – 100 в диссертации можно найти упоминание о том, что данный архиерей трижды обращался к управляющему Германской епархией РПЦЗ митрополиту Серафиму (Ляде) с просьбой о переходе в РПЦЗ, однако ему было в этом отказано именно по причине незаконности «епископата» УАПЦ, обусловленной допущенными украинскими автокефалистами каноническими нарушениями (в их числе – рукоположение женатых «епископов» и принятие в общение «клириков», поставленных в «самосвятской» УАПЦ Василия Липкивского в 1920-е —1930-е гг.).

В связи с изложенным представляется, что вопрос о канонических истоках «иерархии» УАПЦ как имеющий прямое отношение к вопросу о законности «епископата» БАПЦ в диссертации следовало бы осветить несколько более подробно.

Кроме того, данный вопрос имеет отношение и к оформлению диссертации. Вероятно, в ее тексте все же следовало бы указывать в кавычках статус лиц, принадлежащих к церковным сообществам, которые не могут быть признаны каноническими, равно как и название самих этих сообществ и их руководящих органов и структур. Между тем, в диссертации закавычены лишь названия некоторых маргинальных квази-церковных сообществ, таких как «Белорусская Католическая Субожня», «Белорусская Христианская Православно-Католическая Субожня», «Православно-Католический Белорусский Патриархат святого апостола Андрея Первозванного», и то лишь в положениях, выносимых на защиту, тогда как в оглавлении и тексте они по большей части присутствуют без кавычек и пишутся полностью с заглавных букв. Так же, без кавычек, указывается и патриарший титул разного рода деятелей, присвоивших его себе. С заглавных букв и без кавычек поименованы в диссертации не только полные названия УАПЦ и БАПЦ, но также «Церковный Собор в Констанце», «Первоиерарх» БАПЦ, «Собор епископов» БАПЦ и т.д.

В положениях, выносимых на защиту, также отмечается: *«После произошедшего в 1972 г. избрания Первоиерархом митрополита Андрея (Крита) взаимоотношения с Вселенской Патриархией нормализовались. Признаком этого стало регулярное направление руководителю БАПЦ*

праздничных поздравлений от Патриархов Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и некоторых иерархов возглавляемых ими Поместных Церквей».

Думается, что диссертант в данном случае употребил не вполне удачное выражение. Под нормализацией отношений между церквями, строго говоря, может пониматься лишь одно – восстановление евхаристического общения. Но в данном случае этого, как известно, не было. Обмен поздравлениями не может быть показателем. Произшедшие от УАПЦ сообщества украинских автокефалистов, существовавшие во 2-й половине XX века в США и Канаде, тоже регулярно получали от Фанара поздравления по разным случаям. Тем не менее, общения между ними и Константинопольской Церковью не было. А впоследствии при переходе этих сообществ в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, как известно, все их духовенство было заново перерукоположено.

Также в диссертации присутствует утверждение о том, что *«возникновение в юрисдикции Константинопольского Патриархата белорусских приходов, ориентированных на возрождение Белорусской митрополии в диаспоре, явилось следствием реализации стратегии религиозной политики БЦР».*

В связи с изложенным представляется, что в данном случае все же следовало оговориться, что одновременно имела место и вполне определенная встречная политика Константинопольских патриархов, направленная на сосредоточение под своим началом украинских и белорусских православных общин в диаспоре. В свою очередь, это было частью стратегии Фанара, направленной как на подтверждение тезиса о мировой диаспоре как исключительной юрисдикции Константинопольского Патриархата, так и видах возможной дальнейшей экспансии на каноническую территорию Московского Патриархата, что, как видим, стало реальностью в последние годы.

На стр. 71 – 72 в диссертации речь идет об итогах заседания Собора епископов Белорусской митрополии, проходившего 15 мая 1944 г. и принявшего официальную резолюцию в связи с восстановлением Московского Патриаршества и положения религии в СССР. В связи с этим диссертант утверждает: *«Можно констатировать, что убеждения белорусского епископата исключали объективную оценку тяжелых последствий германской оккупации, преступлений нацистского режима и феномена коллаборационизма, отождествляя немецкие завоевания*

исключительно с возможностью восстановления церковной жизни. Избранная мировоззренческая ориентация нашла отражение в дальнейшей деятельности епископата Белорусской митрополии, оказавшегося в эмиграции через месяц после принятия рассмотренных выше постановлений».

Позволю себе не согласиться с данным утверждением. Думается, что нельзя считать, что в упомянутой резолюции отразились именно «убеждения» белорусского епископата. Документ принимался в условиях германской оккупации, с оглядкой на нацистский режим, и по этой причине не мог отражать подлинную «мировоззренческую ориентацию» иерархов Белорусской митрополии. Поэтому их дальнейших отъезд в эмиграцию следует рассматривать не как следствие их положительного отношения к оккупационным властям как восстановившим церковную жизнь, но как результат очевидного понимания того, что в СССР даже в условиях изменившейся церковной политики им будет с очевидностью предъявлено обвинение в коллаборационизме.

О том, что в реальности архиереи Белорусской митрополии отнюдь не ставили под сомнение возрождение церковной жизни в СССР, как это декларировалось ими в резолюции от 15 мая 1944 г., свидетельствуют, в том числе, факты, приводимые в диссертации далее. Так, например, в тексте работы отмечается *«нежелание митрополита Пантелеимона покидать вошедшую в зону советского влияния Чехию, из которой он впоследствии предполагал вернуться в БССР»*. Также в работе говорится об архиепископе Брестском и Полесском Иоанне (Лавриненко), который оказался в г. Мариенбаде в американской оккупационной зоне и *«имел возможность остаться на Западе, но изъявил желание вернуться в СССР»*. В 1946 г. архиепископ Иоанн получил назначение на должность управляющего Молотовской (Пермской) епархией.

В диссертации очень много внимания уделено конфликтным отношениям между епископатом Белорусской митрополии и лидерами белорусской эмиграции в послевоенные годы, что диссертант справедливо связывает с *«непримиримым отношением части белорусской диаспоры к переходу епископата Белорусской митрополии в юрисдикцию РПЦЗ»*. Однако трудно согласиться с утверждением о том, что *«значимым фактором конфликтного напряжения стало столкновение белорусских и русских национальных интересов в приходах РПЦЗ»*. Думается, что главной причиной конфликта было доминирование в руководстве белорусской диаспоры откровенно националистических настроений, которые не были присущи

епископам Белорусской митрополии — курс на автокефалию, как это не раз подчеркивает сам диссертант, был фактически навязан им оккупационными властями. В условиях эмиграции у них отпали причины к его продолжению, что собственно и обусловило их сближение с РПЦЗ, чья позиция если и предполагала «русский национальный интерес», то понимала его гораздо шире, чем симметричную альтернативу белорусской национальной идее.

Одной из ключевых фигур в БАПЦ при ее возникновении был возглавивший эту неканоническую структуру «епископ» УАПЦ Сергей (Охотенко). В этой связи представляется, что в диссертации следовало бы дать более глубокую характеристику канонического статуса этого «архиерея» и, соответственно (повторюсь), более обстоятельно рассмотреть проблему неканоничности УАПЦ как образца 1942 г., созданной «митрополитом» Поликарпом (Сикорским), так и образца 1921 г., созданной «митрополитом» Василием Липкивским.

На стр. 98 о «митрополите Полесском и Пинском» Александре (Иноземцеве) говорится как о «принадлежавшем к польской церковной юрисдикции в диаспоре». Между тем, известно, что Александр (Иноземцев) лишь в довоенное время был архиепископом Полесским и Пинским в юрисдикции Польской Православной Церкви. В 1939 г. он перешел в Русскую Православную Церковь, но не прибыл в Москву для участия в церемонии официального возвращения в Московский Патриархат и в 1940 г. был почислен на покой. В 1942 г. архиепископ Александр стал одним из организаторов неканонической «Украинской автокефальной православной церкви», в которой и стал «митрополитом». В принятии в состав епископата РПЦЗ Александру (Иноземцеву) было отказано как «иерарху» неканонической УАПЦ. Так что, пребывая в Мюнхене до своей кончины в 1948 г., он никак не мог считаться «принадлежащим к польской церковной юрисдикции в диаспоре» (тем более, что был, к тому же, этническим русским, уроженцем Тобольска).

Также следует указать на хронологическую ошибку в заголовке параграфа 1.6 в 1-й главе диссертации: «Белорусская митрополия в составе РПЦЗ (1946—1956)». Безусловно, в качестве начальной даты здесь должен фигурировать 1949 г., так как лишь 19 ноября 1949 г. митрополит Анастасий (Грибановский) официально подтвердил существование в юрисдикции РПЦЗ автономной Белорусской митрополии.

Однако изложенные замечания (тем более, что большинство из них имеют дискуссионный характер) никак не снижают очевидных достоинств

представленной к защите диссертационной работы А.В. Слесарева, которая отличается исключительно высоким научным уровнем и является глубоко продуманным и тщательно подготовленным исследованием, имеющим большое научное и практическое значение.

Работа А.В. Слесарева вносит весомый вклад в новейшую историю белорусского Православия и Православной Церкви в целом. Результаты исследования могут быть использованы как при формировании современной позиции священноначалия Белорусской Православной Церкви, так и в деятельности Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Приведенные в диссертации данные также могут существенно обогатить лекционные курсы по новейшей церковной истории, читаемые в духовных школах Русской Православной Церкви.

Основные положения работы отражены в 39 научных публикациях, в том числе – в семнадцати статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации и ВАК Республики Беларусь, озвучены в ходе выступлений на белорусских, российских и международных научных конференциях. Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Исследование А.В. Слесарева целиком соответствует требованиям, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени доктора церковной истории, а его автор, безусловно, заслуживает присуждения искомой научной степени.

Официальный оппонент

В.И. Петрушко,

доктор церковной истории, кандидат исторических наук,

профессор ПСТГУ

09.12.2022г.

